

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

М. А. Румянцев

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИКИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В наше время, когда «все утопии уже осуществлены» (Ж. Бодрийяр), возникает потребность в антропологических исследованиях хозяйственной жизни — исследованиях, которые позволят сформулировать универсальные определения экономики, соразмерной природе человека. В опубликованной в «Вестнике СПбГУ» статье В. Т. Рязанова были очерчены контуры антропологического подхода к познанию экономики¹. В настоящей статье предпринята попытка развития этого принципиального сюжета.

Биосоциальная природа человека

Предметом социобиологии является прошлое человека, его биологическая и социальная эволюция. Благодаря изучению первобытной архаики — первичных инстинктов и мотивов личности складываются представления о природе человека, образующей предпосылку социально-экономического развития. Социобиология преодолевает крайности марксистского и фрейдистского подходов к человеку. Вопреки Марксу, абсолютизовавшему социально-экономический прогресс, и в противоположность Фрейду, преувеличивавшему значение биологических инстинктов в человеке, социобиология рассматривает естественную природу человека в историческом контексте развития общества². Это позволяет определить основные психологические свойства человека, в которых реализуются биологические и социальные начала его двойственной природы. До сих пор социобиология не была востребована для анализа экономических проблем и прогноза будущего. Если не абсолютизировать значение биологического фактора в человеке, то размышления на эту тему могут представлять интерес.

В биологической эволюции человека существуют два уровня отбора носителей генов: индивидуальный и групповой. Индивидуальный отбор происходит в виде конкуренции индивидов с целью получить максимально возможное количество потомков (распро-

Михаил Алексеевич РУМЯНЦЕВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории СПбГУ. Окончил экономический факультет ЛГУ (1984) и аспирантуру (1987). Автор более 60 научных работ, в том числе одной монографии. Сфера научных интересов: методология экономической теории, экономика и религия, информационная экономика.

странить свои гены). Групповой отбор основан на кооперации индивидов внутри группы, направленной на ее выживание и развитие, а также на конкуренцию с другими группами. Оба вида отбора сосуществуют в популяциях людей и животных. Групповой отбор приводит к развитию альтруистических видов поведения внутри группы и ограничивает разрушительные эгоистические устремления индивидов. Индивидуальный отбор приводит к неравенству и соперничеству. И именно взаимодействие индивидуального и группового отборов порождает исходные типы социально-экономического порядка. Конкретное соотношение принципов индивидуального и группового отборов определяет тип социальных отношений в первичных сообществах людей, дальнейшее развитие которых происходит в зависимости от сложившихся культурных традиций, окружающей среды и материальных условий производства.

Первичные ценности, такие как справедливость и сотрудничество, равно как доминирование и конкуренция, задают человеку различные варианты этических ограничений при удовлетворении потребностей и регулируют трудовую мотивацию. В человеческой природе как таковой есть все: в ней изначально заложены как стремление к солидарности и к коллективизму, так и установки на конкуренцию и эгоцентрическое поведение. Одна из важнейших проблем изучения общества состоит в определении того, каким образом перевес сотрудничества или конкуренции в ряду базовых ценностей человека влияет на характер социально-экономического развития.

Как показало исследование Э. Фромма, преобладание в группе людей сотрудничества над конкуренцией проявляется в неагрессивных, жизнеутверждающих сообществах, преобладание же конкуренции над сотрудничеством — в агрессивных или деструктивных общественных системах. Фромм изучил тридцать первобытных культур, сохранившихся в XX в., и в итоге подразделил их на системы трех разных типов (А, В, С). К типу А относятся жизнеутверждающие сообщества, в которых идеалы, институты и нравы направлены на сохранение и развитие жизни во всех ее сферах. Насилие и жестокость встречаются здесь в минимальных проявлениях, а в хозяйственной жизни преобладают сотрудничество (кооперация) и общая собственность. Личная собственность распространяется лишь на предметы индивидуального обихода.

Тип В представляет «недеструктивное, но все же агрессивное общество». В нем нет чрезмерной жестокости, но отсутствует высокая степень дружелюбия и доверия между людьми, присущая типу А. В этом обществе значительное развитие получили индивидуализм и соперничество. Систему С Э. Фромм назвал «деструктивным обществом», типы которого отмечены повышенной агрессивностью и жестокостью, в них широко распространены враждебность, страх и предательство. Большую роль здесь играют частная собственность и соперничество (конкуренция)³.

Таким образом, жизнеутверждающие типы примитивных обществ основывались на принципе коллективизма и на «солидарных транзакциях»: взаимопомощи, сотрудничестве и дарообмене при ограничениях индивидуализма и конкуренции. В этом социальном контексте отношения человека с окружающим миром порождают у него ощущения встроенности в мир, соразмерности и соответствия миру. Такие отношения позволяют говорить о гармонии и счастье — о недеструктивной, положительной системе отношений между людьми, формирующей у них созидательные, а не разрушительные наклонности.

Другой важный вопрос изучения примитивных обществ — соотношение внерыночных и рыночных связей в архаичном хозяйстве. Известно, что взаимное отдаривание и нерыночные формы распределения продуктов в этих обществах преобладали над ры-

ночным принципом обмена благ⁴. Да, но как и почему возникли рыночный обмен и торговля? Некоторые антропологи полагают, что торговля произошла от церемониального обмена, направленного на установление социального контакта между различными общинами⁵. Становление частной собственности и рыночного обмена нередко связывается и с приданием вещам сверхъестественных, магических свойств. В отечественной науке на ритуальных причинах рыночного обмена настаивала О. М. Фрейденберг. Генезис торговли и денег она связывала с ритуальным утверждением коллективом тотемного родства, с разрыванием и дележом тотема (зверя или рыбы), в результате чего произошли первые деньги — меховые шкурки, куньи уши, черепа животных, «рыбьи деньги»⁶.

При всей археологической основательности подобных умозаключений непроясненным остается вопрос о том, почему частная собственность, рыночный обмен и деньги получили в дальнейшем универсальное значение. «Магические объяснения» здесь вряд ли уместны, поскольку наделение вещей сверхъестественными свойствами преследовало не экономическую, а интимно-мифологическую цель: оно служило залогом внутренней убежденности владельца благ в собственной силе, в особом статусе «избранника судьбы». Об этом свидетельствует история кладов, зарытых не столько из экономических побуждений, сколько из метафизических и ритуально-мифологических мотивов⁷. Привычное объяснение развития частной собственности и обмена вследствие углубления общественного разделения труда также не исчерпывает проблемы. В великих ирригационных цивилизациях Месопотамии и Египта, с которых, собственно, и началась всемирная история, — история земледелия и ремесла, городов и культуры, власти и общества, — натуральные хозяйственные отношения и кооперация труда превалировали над приватными рыночными связями.

Оригинальную гипотезу становления рыночных отношений выдвинул философ и антрополог Ю. М. Бородай. Он исходил из того, что хозяйствование первоначально совершалось в рамках магически-ритуальных действий. Поэтому и орудия труда, и домашние животные были магическими табу — запретными для прагматического использования. Для принципиальной метаморфозы вне рыночных благ в предметы рыночного обмена потребовалось обособление их рационально-прагматических качеств, подлежащих утилизации. Но подобная рационализация была невозможной внутри общины, в которой продукты и орудия труда воспринимались в качестве интимно-близкого, своего, «родного», не подверженного утилитарным оценкам обмена. Продукты труда не были таковыми лишь для пришельцев, «чужаков», «непосвященных» — для завоевателей или эмигрантов. Поэтому именно пришельцы-завоеватели, «чужаки» смогли навязать абстрактные меновые критерии хозяйству покоренной общины и интенсифицировать его в рыночных целях⁸. В этом отношении весьма примечательно, что такой общепризнанный знаток истории капитализма, как В. Зомбарт, посвятил целую главу своего сочинения особой роли иноземцев и переселенцев в становлении капиталистического хозяйства⁹.

В жизнеутверждающих архаичных обществах обмен благ как обмен абстрактных эквивалентов не мог превратиться в доминирующий хозяйственный принцип. Неденежное и нерыночное хозяйство преобладало над первичными формами рыночного обмена, поскольку отчужденные рыночные оценки благ — оценки абстракции и количества — в гораздо меньшей степени соответствуют положительным свойствам человека, чем натуральные и качественные измерения. Дарообмен как обмен личных качеств людей (дружбы, взаимопомощи, верности) и натуральных полезностей благ, которыми надо было *уметь* воспользоваться, соразмерен природе и потребностям человека. Но здесь важно подчеркнуть, что «солидарные трансакции», минимизировавшие эгоистические устрем-

ления индивидуумов, культивировались внутри (но не вне!) группы. Групповые и кровнородственные ограничения развития общества были преодолены мировыми религиями, раскрывшими универсальное значение солидарных архетипов первобытности.

Современные экономические системы выражают определенные типы личности, сформировавшиеся под влиянием мировых религий. В конечном счете характерные особенности религий претворяются в особые человеческие типы, возникшие на почве той или иной религии. Даже когда религия теряет ведущую роль в общественной жизни, как это произошло в секуляризованных обществах Запада и России, тип человека, зародившийся в ее рамках, сохраняется¹⁰.

Христианская антропология

В христианской культуре человек как носитель образа Божия обладает безусловной ценностью и способностью к самоопределению. Христианское учение о двух природах, божественной и человеческой, Богочеловека Иисуса Христа возвысило значение личности. Миф о фаустовском типе личности, не признающей ограничений в своем самоутверждении, есть, несомненно, искажение христианства. Но оно стало возможным потому, что христианский Бог вочеловечился.

Христианская антропология рассматривает человека как существо, имеющего двойственную природу. В человеке как бы пересекаются две природы — божественная и человеческая. С одной стороны, в человеке есть образ Божий; с другой — человек формируется объективным миром, природными («телесными») свойствами и законами. После грехопадения собственная природа человека оказалась поврежденной, «темной». Если «темная основа нашей природы» (В. С. Соловьев) не просветляется христианской жизнью личности, то в человеке начинает преобладать исключительный эгоизм, что приводит к отрицательным проявлениям в истории, обществе и хозяйстве.

После грехопадения человеку для сохранения жизни было положено Богом: «В поте лица твоего снеси (добывай) хлеб свой». Отсюда следует, что побуждение к труду в христианстве порождено учением о первородном грехе, о причинах «поврежденности» природы человека. От того, как рассматриваются изначальные свойства природы человека, зависит место и роль хозяйства в системе христианских ценностей. Зол человек по своей природе или добр, и почему ему надо трудиться, чтобы искупить первородный грех? Эти вопросы по-разному решаются в западно-христианских конфессиях и в православии.

Католицизм утверждает изначальное несовершенство природы человека в виде непреодолимого дуализма между порочным по своему естеству телом человека и его непорочной душой. До грехопадения этот дуализм снимался «благодатными дарами» Бога, которые после преступления Адама были у него отняты. Исходное несовершенство природы человека подразумевает определенную дистанцию между ним и Богом. Преодоление этой дистанции возможно за счет формализации отношений между человеком и Богом, за счет «контракта» между ними¹¹. Поэтому в основе католического учения об оправдании человека добрыми делами лежит правовое представление о союзе Бога и человека: о точной соизмеримости количества добрых дел с размерами получаемой благодати.

Контрактно-правовые принципы эквивалентности доброго дела человека и воздаяния Бога, положенные католицизмом в основание учения о спасении, обусловили особенности католической трудовой этики. Ей присущи жесткая корпоративность, послушание низших высшим, регламентация, дисциплина и исполнительность, разви-

тая система социальных контрактов и трудовых соглашений. Внешние побуждения к труду в католицизме — послушание авторитетам, страх наказания, желание получить награду — преобладают над внутренними мотивами личности.

Протестантизм возник как идейная реакция в ответ на средневековый католический формализм при взаимозачетах добрых дел и спасения. Протестантские проповедники принялись опровергать католическое учение об оправдании добрыми делами: «Дела добрые человек творит только при помощи благодати Божией... Поэтому все, кто величаются заслугами своих дел или надеются на сверхдолжные дела, величаются суетой»¹². Однако протестантизм воспринял католическую идею об абсолютной греховности природы человека самой по себе. В результате дистанция между Богом и человеком в протестантизме возрастает, и человек уже не в состоянии влиять на свое спасение. Поскольку все люди злы по природе, рассуждали учителя протестантизма, то нет смысла в разделении их дел на добрые и злые. Бог безразличен к делам людей, которые могут быть оправданы за грехи только через их веру. Истинно верующим как бы незримо «вменяется» праведность Христа и они становятся богоизбранными «святыми» — «сосудами благодати».

Тогда единственным доступным для восприятия критерием спасения души оказываются мирские успехи человека. Он становится озабоченным конечными результатами своей деятельности в виде роста доходов, профессионального успеха, социального статуса и т. п. Как результат, протестантская этика воспитывает в работниках прагматизм, предприимчивость, ориентацию на личный успех, производительность и профессионализм (служение своей профессии).

Православие предлагает альтернативный вариант учения о природе человека. Оно избегает крайностей католицизма (спасение добрыми делами) и протестантизма (спасение только верой). Православие учит, что изначально природа человека была благой, поэтому грех человека зависит не от его природы, а от свободной воли. В православии считается, что добрые дела более соответствуют благой природе человека, нежели злые. Православная церковь, указывая на важность добрых дел, отрицает их самоценность, признавая роль в спасении человека только за теми делами, которые вызваны внутренними переживаниями и совестью¹³.

В православии не существует количественной соизмеримости между верой или добрыми делами человека и размерами получаемой благодати. В отношении к хозяйственным ценностям это означает, что восточнохристианская традиция не увязывает трудовую деятельность человека с жесткими целевыми критериями. Православие не дает однозначного ответа на вопрос о том, какие конкретные модели экономического поведения являются желательными, а какие нет. Православная трудовая этика не ориентирует человека на неукоснительное подчинение дисциплине, как католическая, и тем более не мотивирует его денежными и профессиональными стимулами, как протестантская. Для православия гораздо важнее вопросы о чистоте мотивов, которые побуждают человека к труду. Православная этика ориентирует человека на самоограничение потребления и стяжания, формирует нравственный капитал общества и стимулы к социальной справедливости.

В целом православная, как и католическая, хозяйственная этика соразмерна природе человека. Присущие христианству ограничения частного хозяйственного интереса, сотрудничество и солидарное распределение благ, самоограничение и трудовой аскетизм выражают фундаментальные антропогенетические свойства личности, проявившиеся еще в локальных общинах архаичной эпохи.

Хозяйственные принципы ислама

Согласно исламу, Бог создал человека самым высокоорганизованным существом из всего живого, заставил природу служить его нуждам, ниспослал человеку материальные и духовные богатства. Все на земле волею Аллаха поставлено на службу величайшему из творений — человеку. Это накладывает на человека определенные обязательства, первым и самым главным из которых является признание Бога и его единственности. Когда же Аллах доставляет человеку избыточные блага, то испытывает его на практическое благочестие, которое обязывает верующего искренне делиться с неимущими¹⁴.

Специфика этой религии состоит в том, что социальная доктрина ислама фактически неотделима от вероучения как такового. Духовный и социально-экономический пласты ислама, его метафизика и повседневность практически неразличимы. Ислам ориентирует повседневную жизнь мусульман на религиозно-этические цели и образцы поведения, присущие всем сферам общества — государству, политике, экономике, культуре. Религиозные постулаты регулируют экономическую деятельность, которая оценивается не только в количественных терминах, но и — в еще большей мере — в нравственно-этических категориях. В целом исламская экономическая модель основана на идее справедливости, которая выступает приоритетной целью хозяйственных агентов. В то же время справедливость «не тождественна эгалитаризму. Справедливость обеспечивается за счет свободы волеизъявления хозяйствующих субъектов, конкуренции и отрицания монополии, однако не ограничивается рамками рационалистического принципа равных возможностей (*level playing field*), принятого в западной модели, поскольку в шариатском контексте носит характер всеобъемлющего морального императива»¹⁵.

В основе исламской экономической модели лежит постулат о том, что полное право собственности на все, что существует в мире, принадлежит только Аллаху (а через него — всей мусульманской общине). Человек выступает лишь доверительным собственником имеющихся в его распоряжении богатств и благ.

Согласно исламу, в основе получения материальных ресурсов и денег лежит труд. Богатство ради самого богатства осуждено шариатом как алчность. Работа признается составной частью религии мусульманина. Последний, выбирая вид деятельности, должен учитывать потребности общины в той или иной профессии. Значительное внимание шариат уделяет защите прав собственности. Например, за кражу в исламском праве существует фиксированное наказание («и вору и воровке рубите руку»), в то время как убийство человека не обязательно влечет за собой возмездие. Объясняется это тем, что кража относится к категории наиболее опасных преступлений — преступлений против всей мусульманской общины, нарушающих права Аллаха¹⁶.

Принципиальное и вызывающее ныне большой интерес отличие исламских финансов от господствующей финансовой системы сводится к отказу от ссудного процента. Основа исламской экономики — финансирование за счет собственных средств или мобилизация средств через прямое участие в капитале в противоположность чуждому исламу долговому финансированию. Поэтому мусульманская экономическая теория, замечает Р. И. Беккин, «заслуживает тщательного изучения, особенно на фоне усиления в последнее время влияния этических ограничителей человеческой деятельности на процессы глобализации мировой экономики»¹⁷.

В финансовой сфере основными запретами для мусульман являются *риба* (ссудный процент) и *гарар* (спекулятивная операция). Также запрещаются вложения в предприятия, связанные с производством алкоголя и продуктов из свинины, с азартными играми и неэтичными развлечениями. Трафик в Коране ссудного процента как тяжкого

греха обуславливает главную особенность исламской финансовой системы — ее беспроцентный характер. При этом ислам не отрицает необходимость вознаграждения «распорядителя собственности Аллаха», просто оно не должно принимать форму заранее гарантированной выплаты, не зависящей от деятельности предприятия. Взамен ссудного процента используются такие методы участия в капитале, как *мушарака* — соучастие в деятельности предприятия, *мудароба* — отчисление прибыли инвестору от будущей прибыли финансируемого предприятия и др.¹⁸ Запрет ссудного процента стимулировал формирование самобытной экономической модели в исламском мире.

Мусульманские авторы настаивают на том, что человечеству необходимо избегать и чрезмерного потребления, и избыточного производства. В целом экономические принципы ислама предполагают смешанную модель экономики, в которой, по мнению мусульманских ученых, преодолеваются недостатки как капиталистической, так и социалистической систем хозяйствования. Исламская модель экономики основана на сочетании частной, государственной и кооперативной форм собственности. При этом в сочинениях ряда мусульманских экономистов неприемлемой признается идея об исключительной зависимости экономического роста от процесса накопления капитала. Именно труд, а не капитал считается главным фактором экономической деятельности¹⁹.

Еще во времена пророка Мухаммада был разработан экономический механизм, направленный против накопления бездействующего богатства: налогообложение неработающих активов налогом в пользу нуждающихся, так называемым *закятом*. «Религиозно-императивный характер закята подтверждается тем, что он отнесен к числу пяти главных вероисповедальных обязанностей мусульманина и в исламской традиции практически приравнивается к молитве по догматической и социальной значимости»²⁰.

Закят наглядно свидетельствует о стремлении ислама к социальной справедливости и равномерному распределению благ в обществе. Каждый мусульманин, благосостояние которого находится выше определенного минимума, обязан платить 2,5% своих доходов в пользу бедных. Помощь нуждающимся признается долгом богатого мусульманина, поскольку все блага во Вселенной, в том числе и те, которые считаются частной собственностью, в действительности являются собственностью Аллаха. И если вся собственность человека доверена ему в пользование Богом, то все пожертвованное во имя Бога возвращается своему истинному владельцу. Поэтому мусульманин, который надеется попасть в рай, не должен дать своей собственности поработить себя. Мусульманское понимание ограниченности земных благ и необходимости благотворительности корреспондируется с православным осуждением сребролюбия, выраженным весьма лаконично: «У савана карманов нет».

Христианство и ислам — не только мировые религии, но и идеологии, обращенные к естественному чувству справедливости и солидарности у всех людей. Неприятие эгоизма и алчности вменяется христианам и мусульманам в качестве абсолютного должествования. Это же можно сказать и о буддийско-конфуцианской хозяйственной парадигме, ориентированной на схожие ценности²¹.

Антропологический переворот, совершенный в эпоху Возрождения, определил переход от теоцентризма к антропоцентризму. Утверждение человека мерой всей действительности привело к фатальному результату — созданию экономики, деструктивной по отношению к благоприобретенным социальным качествам личности. Принципы сотрудничества в труде и в общежитии уступили первенствующее положение принципу суверенитета отдельной личности, взятой вне ее моральных обязательств. Абсолютизация суверенитета отдельной личности стимулировала такие человеческие качества, как

эгоизм и индивидуализм, ранее ограниченные религиозной этикой. Дефицит социального капитала — сотрудничества и доверия между людьми приводит к наращиванию влияния основных религиозных традиций на жизнь общества, побуждает авторитетных религиозных деятелей высказываться о необходимости сбалансированности между правами человека и общественной солидарностью²².

Реванш деструктивности и проблемы экономической науки

Современная экономика утратила важнейшее свойство быть соразмерной человеку. Еще В. Зомбарт заметил, что «живой человек с его счастьем и горем, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга интересов и место его заняли две абстракции: *нажива и дело*. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — *мерой всех вещей*»²³. Для «экономического человека» значение имеют только инструментальные рыночные ценности, сводимые к универсальному количественному мерилу рыночной эффективности, — к деньгам. К внерыночным ценностям, если они не влияют на рентабельность бизнеса, «экономический человек» безразличен.

Доминирующий человеческий тип в эпоху «глобального рынка» лишен привязанности к окружающему миру, объектом его устремлений являются исключительно запросы собственной индивидуальности. А это приводит к гипертрофии абстрактных рыночных принципов в современной экономике, к подавлению ранее исключительно значимых нерыночных ценностей во имя удобства и выгоды «человека экономического». Утилитарные критерии рыночного рационализма становятся массовыми стереотипами поведения людей. «Западное общество, — констатирует Дж. Сорос, — пребывает в растерянности, ему никак не удастся разобраться со своими ценностями и понять, как соотносятся между собой рыночные и общественные ценности»²⁴. Сорос был вынужден признать, что на Западе произошла замена человеческих отношений сделками, а в обществе, основанном на сделках, общественные ценности размываются и моральные ограничения становятся все менее жесткими.

Личность конкретного человека все чаще представляется в виде абстрактной величины ее стоимости на рынке личностей. Для современного рыночного мышления, оперирующего абстракциями и количествами, характерен такой сюжет. В экономической литературе нередко приводятся статистические данные, показывающие, на сколько тысяч долларов больше заработает за всю свою жизнь выпускник университета с докторской степенью, чем человек, имеющий степень бакалавра, или человек без университетского образования. Способ интерпретации этого факта в виде равенства между ученой степенью и определенной денежной суммой свидетельствует о придании ложного коммерческого качества человеческому интеллекту, имеющему нерыночную природу.

Аналогичным образом ложные коммерческие качества приписываются социальному капиталу, когда такое человеческое свойство, как доверие, выражается в абстрактной денежной форме — так, как если бы оно было не человеческим и культурным свойством, а капиталовложением на рынке²⁵.

Современная экономика перестает соответствовать человеческим измерениям. Денежные оценки вещей, общественных институтов и самого человека вышли за пределы человеческих свойств и возможностей. В условиях ничем не ограниченного рынка единственным универсальным качеством оказывается всеобщая продаваемость и покупаемость. По-видимому, принцип организации общества на основе законов рынка исчерпал себя. В ситуации выбора новых путей развития экономическая теория

оказывается перед необходимостью ревизии сложившегося научного дискурса. В частности, это предполагает следующие задачи.

Пересмотр сложившихся представлений об экономической рациональности.

Максимизирующая целерациональность, или формальная рациональность «цель — средство», в смысле минимизации затрат и оптимизации результатов не исчерпывает содержание рациональности. Первоначально значения понятий «разум» и «рациональный» произошли из установки на гармоничное развитие человека и общества. Например, у Гераклита термин *logos* (соответствующий латинскому *ratio*) — это гармоничный принцип организации универсума, имеющий отношение к таким категориям, как «мера» и «соразмерность». Аристотель в «Никомаховой этике» употреблял термин *logos* как «правильный разум» в смысле разума, подчиненного общественной этике.

Воссоздание исходного контекста рациональности приводит к пониманию рационального поведения как экономического действия, которое обеспечивает воспроизводство жизни во всем ее целом и развертывание человеческих способностей. Рациональные типы экономического поведения, прежде всего, обеспечивают соразмерность экономики естественным потребностям человека. Они направлены на утверждение созидательных качеств личности (доверие, готовность к сотрудничеству, дружелюбие) и на ограничения качеств деструктивных — агрессии, страха, алчности. Ясно, что только анализ результатов развития всего общества позволяет определить, какие виды экономического поведения являются рациональными, а какие — нет.

Расширение предмета экономической теории. Экономисты, начиная с У. Джевонса и отчасти с А. Маршалла, отдали приоритет инструментальному термину «экономикс», заменив им классическое понятие «политическая экономия», означающее экономику социализированного целого — экономику, подчиненную человеческим целям и потребностям. Причем эта замена была проведена вопреки многовековой христианской традиции европейской мысли. Инструментальное экономическое знание — это знание, никоим образом не связанное с этикой и типом мировоззрения, с человеком и его здравым смыслом, с потребностями жизни и религиозной моралью.

Между тем моральные аспекты экономики — это вовсе не спекуляция «теоретического разума». Они самым реальным образом влияют на величину национальной нормы сбережений, производительности труда и на эффективность общественного производства²⁶. Великие экономисты прошлого всегда особо отмечали первенствующее значение морально-этических критериев хозяйствования. По мнению первого гениального экономического писателя — Аристотеля, «богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего-то другого»²⁷. Согласно Аристотелю, экономика есть отрасль политики, науки о достижении этического идеала и общего блага. Похожие ориентиры мы находим у А. Смита (политическая экономия как наука о «правилах справедливости»), у С. Н. Булгакова (политическая экономия как «прикладная этика» в отношении к общехристианскому идеалу), у Дж. Кейнса (экономика как «часть» этики, как «моральная дисциплина»).

Таким образом, приверженность экономистов-классиков к количественному отношению стоимость/труд, равно как и привязанность неоклассиков к математической формализации отношения выгоды/издержки, были связаны с забвением исходного контекста экономической науки, восходящего к Аристотелю. Античные и христианские авторы понимали экономику как средство удовлетворения материальных потребностей с точки

зрения конечной цели жизни — достижения счастья или спасения души. В этой перспективе экономика оказывается в зависимости от этики, поскольку нацеливает человека не на возрастание благосостояния, а на удовлетворение потребностей, обладающих этическим смыслом. Поэтому для возрождения экономики, соразмерной потребностям человека, недостаточно поставить в центр экономического анализа только проблемы удовлетворения потребностей, данных в количественных отношениях потребности/издержки или потребности/затраты труда. Чтобы избежать неоправданного переноса экономических проблем, имеющих человеческую ценность, в область техники математических расчетов, необходимо рассмотрение экономики в рамках этических ограничений и человеческих целей.

Ревизия аксиомы об ограниченных ресурсах и неограниченных потребностях.

В. Т. Рязанов справедливо полагает, что главной научной проблемой для экономистов становится обоснование «экономики ограниченных человеческих потребностей»²⁸. Действительно, императив самоограничения потребностей — это один из главных императивов эволюции человечества. Но и аксиома об ограниченных ресурсах также не безусловна.

Реалии индустриальной эпохи закономерно привели экономическую науку к идее редкости ограниченных ресурсов и положению об убывании предельной полезности благ. Здесь мы можем обнаружить исторические ограничения анализа ценности блага, порожденные массовым промышленным производством с падающей ценностью благ при росте объемов выпуска продукции. В эпоху же становления общества знаний ценность информационной продукции вытекает из ее множественности. Потребление человеком интеллектуальных благ (знаний, смыслов, символов и образов культуры) увеличивает их ценность, ведет к приросту интеллектуальных ресурсов общества — к появлению новых знаний, новых смыслов, новых интеллектуальных возможностей личности. В результате маржинализм, если использовать выражение Р. М. Нижегородцева, становится «отмирающим дискурсом».

Кроме того, вследствие особых свойств интеллектуальных продуктов (нерастрачивание в процессе потребления, неделимость) права собственности на них очень трудно специфицировать. Особенностью обмена интеллектуальных благ является то, что обмен информацией между людьми ведет к сотрудничеству, а не к конкуренции: «В обществе, насыщенном знаниями и информацией, граница между “моим” и “твоим” становится все менее четкой»²⁹.

Вероятно, что в экономике постиндустриального типа неограниченность интеллектуальных ресурсов в сочетании с ограниченностью материальных потребностей заменит стандартную экономическую аксиоматику ограниченных ресурсов и безграничных потребностей. Что же касается стимулирующих механизмов в экономике, то, скорее всего, эта роль перейдет от рыночных стимулов к социально-экономическим мегапроектам. Масштабные долговременные проекты в области транспортных коммуникаций, энергетики, космоса и образования, необходимые для создания инфраструктуры нового технологического уклада и новых возможностей человеческого развития, требуют надрыночного управления. Система финансовых рынков потеряет контроль над экономикой, который перейдет к социально ответственной бюрократии, специалистам и структурам самоорганизации, самодетальности общества — к институтам, непосредственно выражающим парадигму сотрудничества и кооперации труда. Тогда рыночные барьеры, сдерживающие развитие способностей человека, могут быть устранены.

-
- ¹ *Рязанов В. Т.* Антропологический принцип в экономике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2006. Вып. 1.
- ² Основположителем социобиологии считается немецко-американский психолог, философ и антрополог Э. Фромм. Связь между психологией индивида и социальной структурой общества выражена им в понятии «социальный характер».
- ³ *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. М., 1994. С. 148–150.
- ⁴ *Саллинз М.* Экономика каменного века / Пер. с англ. М., 1999. С. 242–243.
- ⁵ *Шредер Х.* Экономическая антропология / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 101.
- ⁶ *Фрейдбергер О. М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 67–68.
- ⁷ *Богданов К. А.* Деньги в фольклоре. СПб., 1995. С. 43–44.
- ⁸ *Бородай Ю. М.* От фантазии к реальности. М., 1995. С. 232–234.
- ⁹ *Зомбарт В.* Буржуа / Пер. с нем. М., 1994. С. 225–236.
- ¹⁰ Об этом свидетельствует то, что основные типы современных цивилизаций по-прежнему разделяются по религиозному признаку. Принято выделять исламскую, буддийско-конфуцианскую и христианскую (постхристианскую) цивилизации.
- ¹¹ *Давыдов С. А.* Особенности формирования и содержания православной трудовой этики // Гуманитарные науки. 1997. № 4. С. 70–71; *Пеев Г. И.* Два пути христианской цивилизации // Мост. 2003. № 54. С. 92–93.
- ¹² *Новоселов М. А.* Догмат и мистика в православии, католичестве и протестантизме. М., 2003. С. 195.
- ¹³ *Давыдов С. А.* Там же.
- ¹⁴ Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Прохоровой. 7-е изд. М., 2002. С. 644, 707.
- ¹⁵ *Журавлев А. Ю.* Концептуальные основы исламской экономики // Исламские финансы в современном мире. М., 2004. С. 13–14.
- ¹⁶ *Беккин Р. И.* Некоторые элементы исламской экономики // Проблемы современной экономики. 2002. № 1. С. 90.
- ¹⁷ Там же. С. 91–92.
- ¹⁸ *Щербинина Э. П.* Цивилизационные различия и мировая экономика // Мост. 2003. № 56. С. 28.
- ¹⁹ *Беккин Р. И.* Указ. соч. С. 92.
- ²⁰ *Журавлев А. Ю.* Указ. соч. С. 15.
- ²¹ *Агаджанян А. С.* Буддийский путь в XX веке. М., 1993. С. 205–239.
- ²² См., напр.: *Митрополит Кирилл.* Права человека и нравственная ответственность: Доклад на X съезде Всемирного Русского Народного Собора (PATRIARCHIA.RU).
- ²³ *Зомбарт В.* Указ. соч. С. 131.
- ²⁴ *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. М., 2001. С. 164, 168.
- ²⁵ Одними из первых на деструктивный характер придания социальным и интеллектуальным качествам человека ложных коммерческих свойств рыночных активов (капитала) обратили внимание Э. Фромм и М. Саллинз (*Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе / Пер. с нем. М., 2005. С. 139; *Саллинз М.* Указ. соч. 242).
- ²⁶ *Макашева Н. А.* Этические основы экономической теории. М., 1993. С. 174–175.
- ²⁷ *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 59.
- ²⁸ *Рязанов В. Т.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁹ *Ходжсон Дж.* Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 38.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2007 г.